

Наиль Муратов

Живое пиво и метавселенная

Поначалу она показалась мне обычной пьянчугой. Познакомились мы в сквере, что на полпути между моим домом и офисом. Из офиса я и шел с бутылкой армянского коньяка в руках, почти полной. Отмечали день рождения начальника, и такого рода «сухой паек» достался тем немногим, кто решился досрочно покинуть мероприятие.

В сквере я сел на лавку, поставив бутылку рядом. Тащить ее домой не имело никакого смысла. Попробовал сделать глоток из горлышка, но как-то не пошло. За что пить, непонятно, с начальством у нас взаимная нелюбовь. А других поводов вообще не нашлось.

Тут она и подошла, как из другого измерения вынырнула. Типичная бомжиха. Поражала кожа – темная, шершавая, словно у древней рептилии. Возраст неопределенный, но вряд ли больше сорока. Даже сквозь мешковатый балахон было заметно, что фигуру она пока сохранила, а почему нет? Вряд ли такой образ жизни располагает к полноте.

– Допивать будешь? – спросила алчно. Голос с хрипотцой, но какой другой может быть у алкоголички?!

– Забирай! – предложил я.

И правда, не тащиться же с этой бутылкой еще два квартала, да и не нужна она мне дома. Крепким напиткам предпочитаю дорогие коллекционные вина: такое увлечение при моих скромных доходах и неясных перспективах вряд ли переродится в алкоголизм.

Забирать бутылку она не стала, а тут же на месте и оприходовала. По сути, одним глотком, выглядело впечатляюще. Коньяк

подействовал сразу: глаза пьянчуги увлажнились, взгляд подобрел. Как следствие ей захотелось сделать неожиданному дарителю что-нибудь приятное.

– Чего загрузил? – спросила она с ухмылкой.

– Тебе-то какое дело!

Вообще-то, я человек скорее деликатный, чем грубый, но вступать в бессмысленный диалог с алкоголичкой, когда настроение и так ни к черту, как-то не захотелось.

– Никакого! – заверила пьянчуга. – Но тебе повезло, ты мне понравился.

– Жаль, что это не взаимно!

– Лишь потому, что ты видишь во мне определенный символ, расхожий образ. И не стремишься заглянуть вглубь, так сказать, за ширму.

Залилась, можно сказать, по горловину, но голос трезвый, а говорит так, будто заранее текст заготовила. И это при такой-то роже! Интересно, кем была пьянчуга в прежней жизни?

– Кем я была лет эдак триста назад? – рассмеялась она. – Несчастной девушкой! Рабыней условностей, задышающей от несвободы.

– А сейчас ты, значит, свободна! – желчно заметил я.

– И счастлива! Благодаря тебе! – подтвердила она, бросив взгляд на пустую бутылку. – А долг платежом красен.

– Ты серьезно? – спросил я с издевкой, надеясь избежать плахежа. Мало ли что она имела в виду!

– Не, – сказала она. – Просто скучно здесь у вас. А ты все-таки чувак прикольный. Хотя и неудачник.

– Кто бы говорил! – разозлился я.

– Да у меня-то как раз все хорошо. Живу как хочу. А ты иша-чишь за копейки, и никаких перспектив в личной жизни.

– Зато у тебя в личной жизни порядок!

– А что мне с нее, с личной жизни! – она пожала плечами.

– Зарплата у меня далеко не копеечная, хотя и не самая высокая. У тебя же вообще денег нет, – мстительно заявил я.

– Почему нет? Есть, – она достала из кармана мятую купюру. Пятьдесят гривен.

– Не много.

– На бутылку хватит, а больше и не надо.

Прозвучало это по-философски фатально, что нас как-то примирило. Предельная ясность жизненной позиции пьянчуги вызывала уважение. У меня такой ясности не было.

– Может, ты и права, – сказал я. – Не в деньгах счастье.

– Не сомневайся, – подтвердила она. – Не в деньгах.

– Знать бы, в чем! – сказал я.

Она вновь выразительно скосила глаза на бутылку, но вслух ничего не произнесла. Посчитав диалог завершенным, я встал и душевно попрощался:

– Ладно, пока!

– Садись! – уверенно распорядилась она. – Самое интересное только начинается. Ты что, не хочешь научиться видеть хотя бы очевидные вещи?

– Да вроде у меня со зрением все в порядке.

Она рассмеялась, потом назидательно сообщила:

– Человечество делится на две большие группы: слепых и незрячих. Так что не обманывай себя!

– В какую из групп ты внесла меня?

– К незрячим, – уверенно ответила она.

– А что лучше, быть слепым или незрячим?

– Незрячим, конечно.

– Между ними есть разница?

– Принципиальная. Слепой не хочет ничего видеть, ему и так хорошо. А незрячий и хотел бы, но не понимает, как к этому подойти.

– А ты, получается, понимаешь.

– Разумеется, ведь я зрячая!

– И что же ты видишь такого, что я не вижу?

– Тебя вижу, – подумав, ответила она.

– Не очень-то много, – заметил я.

– Да уж, – согласилась она, – но лучше, чем ничего. А вообще-то, аура у тебя приемлемая, хотя мужик ты проблемный. В смысле сам их себе создаешь. С начальством не ладишь, в коллективе теряешься, с женщинами вообще беда.

Попала, тварь, в самую точку! Похоже, у меня все на лице написано, я даже спорить не стал. Спросил только:

– Ты что, цыганка?

– Психоаналитик, – ответила она.

Так вот кем была пьянчуга в прежней жизни! Чего только алкоголя с людьми не делает!

– По-твоему, я алкоголичка?!

Психоаналитик, не соврала! Мысли читает, как открытую книгу. Жаль, что спилась.

– Не знаю, – примирительно сказал я, – но если и так, то ничего страшного. Сама же говорила, что алкоголики – свободные люди.

– Ерунда! Алкоголик – раб бутылки. А я – нет. У меня нет зависимости.

– Тогда брось пить!

– Чего ради? Что ты можешь предложить взамен?

– Не знаю, могла бы на работу устроиться, – неуверенно сказала я.

– Да я и так работаю!

– Психоаналитиком?

– Нет, пивом торгую.

Она махнула рукой в сторону стеклянного павильона с вывеской «Живое пиво». Направляясь в офис, я регулярно прохожу мимо. Внутри никогда не заглядываю, потому что пива не пью принципиально. Хотя толком не понимаю природы этого принципа. Со мной всегда так.

– Что же ты не на работе? – спросил я.

– Сегодня выходной.

– Замечательно его проводишь.

– Что да, то да, – согласилась она. – Мне в кайф. Коньяк не паленый, погода замечательная. Ощущаешь гармонию с миром.

Чтоб не мешать ей ощущать гармонию, я удалился. По-английски, без церемоний. Проходя мимо павильона «Живое пиво», не удержался и заглянул вовнутрь. Через стекло, понятно. Посетителей не было, смазливая девица за прилавком откровенно скучала. Непохоже было, что здесь берут на работу бомжей.

На следующий день, возвращаясь с работы, я зашел-таки в пивной павильон. Здесь ничего не изменилось, но вчерашнюю девицу заменила другая, не менее смазливая.

– Привет, неудачник! Пива хочешь?

Подход к привлечению новых клиентов в заведении был более чем оригинальным. Ответил я подчеркнуто холодно:

– Мы знакомы?

– Ну да, – удивилась девица. – Ты меня вчера коньяком одаривал. Не узнал, что ли?

Нет, это не могла быть она! Точно не могла! Ничего общего со вчерашней бомжихой, даже глаза другого цвета. Понятно, что это розыгрыш! И до чего же идиотский! Тонко улыбнувшись, я заметил:

– Со вчерашнего дня вы здорово изменились.

– Ерунда! Какая была, такая и осталась! – отрезала девица. – И, кстати, мы на «ты», если не забыл.

Интересно, кто это фокус придумал и для чего? Девица выглядела довольно-таки туповатой, значит, лидер в их тандеме – бомжиха. А что, логично! Даже спившаяся, она сохранила часть профессиональных навыков. Нет сомнений, когда-то и вправду была психоаналитиком, а теперь решила поприкалываться над случайным знакомым. И мотив понятен: уязвленная гордость. Я ведь не скрывал вчера своего превосходства, ударил по самолюбию. А бомжи – точно такие же люди, как и все остальные. Только без жилплощади.

– Ничего я не забыл! – сказал я. – Но не думай, что попадусь на вашу удочку.

– Таки не узнал! – довольно воскликнула девица. – Даже обидно. Но что с незрячего взять? А я уж подумала, ты на меня запал, зашел поближе познакомиться. Пиво-то тебя точно не интересует.

– Не интересует, – согласился я.

– Это потому, что ты его не пробовал.

– Почему? Пробовал когда-то.

– То другое было пиво. Не такое, как у меня.

– Чем же твое лучше? – спросил я.

– Вывеску читал? У нас пиво живое.

– Что значит живое? Необработанное?

– Да просто живое. Такое, как мы с тобой.

– Может, оно еще и стихами разговаривает?!

– Вряд ли. Никогда ничего такого от него не слышала.

Подставив кружку, девица открыла кран. Кружка наполнилась секунд за пять, пены поднялось не много. На просвет пиво казалось янтарным, живыми в нем были, надо полагать, только бактерии.

– Вот этот тип не верит, что ты живое! – обратилась к кружке девица.

– Его дело, – сварливо отозвалось пиво. – Мне насрать.

Вот все и встало на свои места. Вчерашняя девица и сегодняшняя – без сомнения, одно лицо. Еще и с талантом чревовещателя. Странный выбрала способ развлекаться: гримируется под бомжиху и разводит лохов. Но я-то не лох, на такой дешевый трюк не куплюсь.

– Никакой это не трюк! Пиво и вправду живое. Фирма фальсификат не гонит.

Ну да, читает мысли по лицу. Вчера уже проходили. Рассчитывает, что произвела впечатление, психоаналитик доморощенная. Будь у нее диплом, пивом не торговала бы!

Видно, и это было у меня на лице, потому что девица тут же парировала:

– А что диплом? Бумажка.

– Чистая правда! – подтвердило пиво. – У меня в товарном сертификате написано «Пиво чешское», а я родом из Конотопа.

– Хватит голову мне морочить! – совсем уж за идиота принимает меня эта смазливая.

– Ну дело твое. Я-то хотела как лучше.

– Интересно, платить за меня кто-то собирается? – спросило пиво. – За бесплатно не отдамся.

Ну и стерва! С другой стороны, пиво уже налито, а продать его – прямая обязанность продавщицы. Не оплачивать же ей из собственного кармана. Успокоившись, я приложил банковскую карточку к терминалу, и оттуда немедленно вылез чек. Слава богу, хоть этот не говорил! Зато пиво не умолкало:

– Порядок, теперя я все ваше! Давай, босс, пей! Я – свежее.

Пить я, естественно, не стал. Холодно попросил перелить пиво в пластиковую бутылку и, не попрощавшись, отправился домой. А там зашел в туалет, открутил крышку бутылки, но вылить пиво в унитаз не успел.

– Ты что такое удумал, босс? – с тревогой спросило пиво.

С минуту я простоял неподвижно, тупо глядя на бутылку. Потом бегом пробежался по квартире. Девицы нигде не было, ко мне домой она тайком не прокралась, так что чревоущание тут ни при чем. А значит, пиво и вправду живое. Или, что более вероятно, я сошел с ума. С нормальным человеком пиво разве разговаривает?

Заметив мое смятение, пиво предложило:

– Успокойся, босс! Будь мужиком, возьми себя в руки! Пошли-ка лучше на кухню, перельешь меня в кружку.

Даже при моей врожденной неприязни к пиву пришлось признать, что совет дельный. На кухне я долго всматривался в наполненную кружку. Ничего особенного, пиво как пиво.

– Ну ты пить-то будешь? – несколько раздраженно поинтересовалось пиво.

Разгадайте загадку: кто в здравом уме захочет, чтобы его выпили? Или съели, как Колобка. Но пиво только огрызнулось:

– По-твоему, лучше прокиснуть?

– Но если я тебя выпью, твой жизненный путь закончится! Тебя это не пугает?

– А чего пугаться? Я ведь никуда не исчезну, просто перейду в какое-то другое состояние. А потом опять и опять, пока не вернусь к исходному рубежу – в пивоварню. Это называется кругооборотом пива в природе. Так что пей, не стесняйся!

– Ну если настаиваешь.

Я сделал маленький глоток. Пиво и вправду было свежее, на вкус замечательное.

– Ну как я тебе? – застенчиво спросило пиво.

– Супер!

– А ты не мог бы выполнить маленькую мою просьбу? Последнее, так сказать, желание. Чисто по-дружески.

– Смотря какое желание.

– Когда придет время мне из тебя выйти, сделай это не в туалете, а на улице. Возле какого-нибудь высокого дерева. Люблю смотреть на мир с высоты птичьего полета.

– Договорились! – пообещал я, после чего опустошил кружку.

Мыть ее не стал, просто сидел и смотрел на остатки пены. Чертова бомжиха, она же продавщица пива! До встречи с ней все

у меня не складывалось, но хотя бы было понятно почему. А сейчас все по-прежнему не складывается, но еще и вконец запуталось. Ясно одно: крыша у меня съехала не просто так, сама по себе. Единственное объяснение: гипноз. Известно ведь, что психоаналитики, а эта девица точно им когда-то была, в своей практике применяют гипноз. Что ей стоило загипнотизировать меня без моего ведома? А дальше хоть веревки вей, сознание-то подавлено. Так что отныне я полностью в ее руках.

Из состояния полного уныния меня вывел стук в дверь. Открыв, я увидел знакомую бомжиху с большой матерчатой сумкой, полностью набитой.

– Сюрприз! – весело сказала она и, оттеснив меня плечом, уверенно вошла в квартиру.

Сейчас все вынесет, решил я. Ну и черт с ним. Под гипнозом сопротивляться бесполезно, буду просто сидеть и наблюдать. Все равно ничего ценного не нажил, жалеть не о чем.

– Да я просто в гости, – сказала бомжиха. – Как раз смена закончилась, а ты тут страдаешь в одиночестве. Пиво-то небось уже выпил.

– Ну выпил. И что? – с вызовом спросил я.

– Так тебе теперь и поговорить не с кем... Слушай, а давай я здесь сегодня останусь. Ночами уже прохладно, неохота на скамейке в сквере мерзнуть.

– Да у тебя же работа есть, – сказал я.

– Работа есть, жилья нет.

– Ладно, ночуй! Все равно тебе мое разрешение не требуется.

– Ну формальности лучше соблюдать. Ты ужинал?

– Нет еще. У меня, кроме банки тунца и помидоров, ничего нет.

– Не страшно, я все с собой принесла.

Бомжиха начала вынимать из сумки завернутые в фольгу пластиковые контейнеры. На ощупь горячие. И явно не из «Макдональдса», а из дорогого ресторана. Понятно теперь, почему у нее нет денег на съем жилья!

Последней она вытащила литровую бутылку водки. «Смирновской».

– Что стоишь, как истукан? Доставай посуду. И раскладывай все по тарелкам, а я пойду душ приму.

Раскладывать я ничего не стал, еще чего! Приказам продавщицы пива подчиняться не буду, хочет – пусть посылнее загнипотизирует.

Минут через двадцать она вышла в накинутом на голое тело банном халате. Моем, естественно. Что делала в душе – непонятно, потому что грим не смыла. Заметив отсутствие тарелок, вздохнула:

– Ну дело твое. Будешь есть из пластика.

– А ты не будешь?

– У меня свой рацион, – она бросила выразительный взгляд на бутылку.

– Могла бы, кстати, маскировку свою отмыть!

– Какую еще маскировку! Это мой естественный вид.

– Ну да, так я и поверил! Естественный вид был у тебя два часа назад, когда ты была без грима.

Бомжиха рассмеялась.

– Зачем мне грим, если вокруг одни слепые и незрячие? Поверь, я всегда одинаковая. Просто ты не в состоянии это разглядеть.

Не в состоянии увидеть такой, какая есть, – это именно о гипнозе. Надо же, и не отпирается даже. Но эту идею она отвергла. Сказала, что гипноз тут ни при чем. При гипнозе человека вводят в транс, а потом он делает то, что требует гипнотизер. Лично она этим не занимается. Ей ни от кого ничего не нужно. Если не считать того случая в сквере, но тогда ее жажда замучила, а тут я как раз подвернулся.

– Но ты же как-то влияешь на мое зрение! – возразил я. – Иначе я бы не видел тебя по-разному.

С этим она не спорила. Ну да, влияет, но не на зрение. Зрение само по себе ничего не значит. Все дело в особенностях человеческой психики: видеть не то, что есть в реальности, а то, что тебе выдают за реальность.

– Кто выдает? – спросил я.

– Те, у кого нет проблем со зрением, – туманно ответила она.

Как ни странно, но я ей поверил. Мне и раньше казалось, что кто-то управляет нашим миром втемную, иначе человечество не катилось бы так стремительно в пропасть, сметая все на своем пути.

– Да никто вами не управляет, – не согласилась она. – Катиться в пропасть у человечества и без посторонней помощи хорошо получается.

Очевидно, себя она к человечеству не причисляла, брезговала. Не слишком ли много снобизма для бомжихи?!

– Раз уж ты управляешь моим зрением, могла бы и поприличнее выглядеть! – желчно заметил я. – Все-таки в гости к мужчине пришла.

– Знаю я вашего брата! – сказала она. – Как смазливая, так начинаете сразу приставать. А я сюда не за этим явилась. Потому выгляжу подобающе случаю.

– Ты меня и смазливая не сильно привлекала! – сообщил я.

– Разумеется, – отмахнулась она. – Все сохнешь по своей единственной.

– Да нет никакой единственной! – в сердцах воскликнул я.

– Конечно нет, – легко согласилась она. – И не было. Ладно, неси стакан, не из горла же мне пить.

Ужинали в молчании. Точнее, ужинал я, а она маленькими глотками, не морщась, цедила водку. В общем, каждый умирал в одиночку, но отнюдь не по известному роману, потому что бомжиха, опустошив бутылку, ожила.

– Чего загрустил, неудачник?

Я и отвечать не стал, обойдется. Хорошо бы ее вообще выгнать вон, но это задача не из простых.

– Да хоть сейчас могу уйти! – сказала она. – Больно надо тут на тебя время терять.

– Давай, топай! – обрадовался я.

Она встала из-за стола, потянулась, потом неожиданно направилась к дивану и плюхнулась на подушки. Нет, не уйдет. Но не силой же выгонять, пусть дрыхнет на диване, а я отправлюсь в спальню. Жаль, запора там нет. Хотя после литра водки неизвестно даже, дотянет ли незваная гостья до утра.

– Мне эта бутылка в самый раз, – пояснила она, в очередной раз с успехом читая мои мысли. – И не много, и не мало. А уходить я передумала, что, кстати, в твоих интересах. Считай, тебе выпал джокер.

– Это уж точно! – съязвил я.

– Ты ее сегодня увидишь, свою незнакомую.

– И где ж я ее увижу?

– Там же, где в прошлый раз. Во сне.

У меня дыхание остановилось. Умеет же эта стерва попасть в цель! Однажды, это было много лет назад, я увидел сон, который никогда не забуду. В незнакомой комнате, куда я зашел случайно, у большого, во всю стену, окна стояла молодая женщина.

– Кого-то ищете? – спросила меня мелодичным, проникающим в самое сердце голосом.

– Уже нашел, – ответил я.

И это было правдой, потому что с первого взгляда было понятно, что она предназначена мне судьбой. Та единственная, без которой жизнь теряет какой-либо смысл. Не скажу, что была она как-то особенно красива, просто глядя на такую, понимаешь, что тебе не нужен никто другой.

– Надеюсь, вы не ошиблись, – сказала незнакомка очень серьезно и неожиданно улыбнулась.

Собственно, на этом сон и завершился. Но с тех пор ее улыбка всегда со мной, и это самая главная причина, по которой мне ничего не светит в отношениях с женщинами. Они не умеют так улыбаться и потому мне не предназначены. Увидев, как я изменился в лице, божиха воскликнула:

– Да не нервничай ты так!

– Легко сказать. Теперь я вообще не усну! – пожаловался я.

– Не думаю, что это проблема, – божиха направилась к дверям спальни. – Вообще-то, ты уже уснул.

Ловко же она меня провела! Заморочила голову, и теперь будет спать в моей постели, а мне придется ютиться на диване.

– Странно, правда?

Голос стал чуть более хриплым, но я узнал его сразу. Он доносился из кухни, но когда я вошел туда, это была уже совсем другая комната. Практически пустая, с большим, во всю стену, окном. У окна стояла *она*.

– Вот и свиделись, – мой голос прозвучал еще более хрипло, чем ее, но удивительно, что он вообще прозвучал.

– Вы же этого хотели, – сказала она.

– А вы?

- Наверное. Я ничего о себе не знаю.
- Кроме самого главного. Вы мне нужны.
- Уверены?

Она улыбнулась, что было счастьем и в то же время катастрофой. Потому что и в этот раз улыбка означала конец свидания. Я проснулся на диване, небрежно укрытый баннным халатом. Этой твари удалось-таки меня загипнотизировать!

Заглянув в спальню, я увидел вместо бомжихи мирно посапивавшую смазливую продавщицу. Во сне ее гипноз, очевидно, не работал. Проснулась она спустя полчаса, а я все это время провёл в кресле, размышляя. Похоже, судьба столкнула меня с непростой дамочкой. Кто она на самом деле? Людей с таким талантом к внушению не может быть много, иначе о них было бы известно. Но почему она торгует пивом, вместо того чтобы зарабатывать на своих способностях миллионы? Прячется от кого-то? Может быть, за ней охотятся спецслужбы? Для них она – козырный туз в рукаве, позволяющий выиграть любую, даже самую сложную шпионскую игру.

Она вышла из спальни и прошла в туалет, меня как бы и не заметив. Вышла уже накрашенная, что никак не делало ее привлекательней. Заметив мой иронический взгляд, сказала:

- Ну и что? На себя посмотри.
- Как тебе это удается? – спросил я.
- Удастся что?

– Управлять чужим разумом, – я предусмотрительно не произнес слово *гипноз*, так ее раздражающее.

– А сам-то что думаешь? – поинтересовалась она.

– Откуда мне знать!

– Вот и не знай! И вообще, это секрет.

Итак, по поводу спецслужб я не ошибся. Наверняка какой-нибудь эксперимент с психотропными веществами, попытка создания сверхчеловека. Прямо скажем, не самая удачная, учитывая ее невероятную тягу к алкоголю.

Оспаривать гипотезу о спецслужбах она не стала. Сказала только, что за ней охотятся, поэтому приходится прятаться. Но когда-нибудь ее все равно найдут. Поэтому она стремится наслаждаться каждой лишней минутой на свободе.

– А эта женщина из сна, она существует на самом деле? – спросил я осторожно.

– Откуда мне знать, – туманно ответила гостья. – Скорее всего, это я и есть.

– Тебе до нее как до неба!

Судя по всему, морочить людям голову – конек или, лучше сказать, состояние души моей незваной гостьи. Но она все так же туманно пояснила, что увиденный мной сон – это ее собственная проекция на мое сознание, достаточно болезное. Поэтому все, что я увидел, так или иначе связано именно с ней, бомжихой. Но как раз с этим можно и поспорить, ведь похожий сон я видел задолго до нашего знакомства.

– Нельзя исключить, что ты и тогда видел именно меня, – не смущаясь, сказала она.

– Не лсти себе, – отрезал я. – И вообще, не ты ли давеча называла меня незрячим?

– Во сне зрение иногда проясняется, неудачник!

И кто бы говорил! Сама прячется невесть от кого, трясаясь от страха, а я, значит, неудачник! Да таким темпом она вот-вот сопьется, а там уж одна дорога – в психушку. С белой горячкой, разумеется.

Она пожала плечами.

– Тебе-то какое дело! Живи себе и дальше в своем мире грез.

Похоже, говорить нам было больше не о чем. Пока я размышлял, как наиболее вежливо выставить незваную гостью вон, она сделала упреждающий ход.

– Если ты не против, я останусь тут на пару днейков!

– Ну, знаешь, всему есть предел!

Мое негодование ее только позабавило. Достав из своей убогой сумки лист бумаги – и как только он не помялся?! – она разложила его на столе и предложила нарисовать увиденную во сне женщину.

– Не мели чепухи! У меня не получится!

– Откуда тебе знать?! – рассмеялась она. – Попробуй хотя бы!

Бумага была специальная, можно не сомневаться. Такой я никогда не видел. Поверхность чуть шероховатая, матовая. Казалось, она поглощает большую часть падающего света, но это было, конечно, ложное ощущение.

В общем, я попробовал. Взял предложенный то ли карандаш, то ли фломастер и провел изогнутую линию, потом еще и еще. Странно, но при этом я не думал о той, кого пытался нарисовать. Просто вел рукой наудачу. Получился клубок пересекающихся линий, больше ничего.

– Здорово! – воскликнула она. – У тебя талант.

Ясное дело, издевалась. Непонятно только зачем. Но она, забрав карандаш (или фломастер, или вообще что-то другое), уверенными движениями провела еще несколько линий. Буквально две-три, но на бумаге возникло лицо незнакомки из сна. Из сна, который принадлежал только мне.

– Теперь я могу остаться?

Кивок – все, на что меня хватило. На столешнице передо мной лежал шедевр, большей частью созданный моей же рукой – рукой, способной в самом лучшем случае нарисовать домик с двумя окнами и спиралью дыма, вьющегося из трубы.

– Как это у тебя получилось? – наконец спросил я.

– У меня? – деланно удивилась она. – Но это твое творчество, я только внесла последние штрихи.

– Ты же не станешь утверждать, что у меня талант художника?!

– Не стану. Просто иногда человек способен на то, чего и сам от себя не ждет.

Ладно, пусть так. Пусть ей удалось внушением высвободить мой скрытый потенциал, но ведь завершила рисунок она сама, причем сделала это с невероятной легкостью. Из чего следовал только один вывод:

– В прошлой жизни ты была художницей?

Отрицать очевидного гостя не стала, предпочла промолчать. Разглядеть в хаосе линий лицо незнакомой женщины, а потом дорисовать портрет с профессиональным мастерством – на это способен только истинный талант.

Взяв лист в руки, она с иронией произнесла:

– Вылитая я.

Увидев возмущение на моем лице, тут же дала задний ход:

– Да ладно, я пошутила. Никакого сходства.

– Никакого с тобой, но идеальное с женщиной из сна, – уточнил я. – Ты гениальна.

Она бросила в мою сторону быстрый взгляд, затем призналась:

– Да, ты угадал. В прошлой жизни я была художницей.

– До того, как попала в психушку? – наугад спросил я.

Не знаю почему, но мой вопрос ее развеселил.

– Такому, как ты, это трудно представить, но я в ней родилась.

Если психушку она использовала как дисфемизм нашего препоганого общества, то с ней трудно было не согласиться. Но стоит ли развивать столь скользкую тему? Впрочем, незваная гостья сделала это сама:

– Вся наша сволочная планета – большой сумасшедший дом.

Против этого тоже не возразить. Если ты настоящий художник, то, наверное, таким и должен видеться тебе окружающий мир. К несчастью, и окружающий мир смотрит на художника точно так же.

– Да, наш мир – не подарок! – поддержал я гостью.

– Да ваш мир просто рай в сравнении с нашим!

Заметив выражение моего лица, она невинно поинтересовалась:

– Надеюсь, ты уже понял, что я с другой планеты?

Художница, думаю, правильнее всего звать ее именно так, то ли куражилась, то ли реально скатилась с катушек. Надо же, теперь она инопланетянка! Похоже, с психушкой я попал в точку. А ведь еще вчера, даже после неумеренной дозы спиртного она выглядела вполне здравомыслящей. Может, ей нужно похмелиться, чтобы вернуться в нормальное состояние?

Идея эта художнице понравилась, и она спешно засобиралась в магазин. А я остался любоваться портретом. Женщина, существовавшая до сих пор только в моем воображении, выглядела живой, хотя и была всего лишь переплетением линий. Туманный образ незнакомки превратился во вполне осязаемый предмет, своего рода тотем, позволяющий ему поклоняться. А вдруг она существует реально? Сделав фото портрета, можно попытаться найти незнакомку через Интернет. Есть же программы распознавания лиц или что-то подобное!

Сфотографировав портрет, я пошел открывать дверь вернувшейся художнице. В этот раз она приволокла большую бутылку

рома. Увидев в моих руках телефон с незнакомкой на экране, выхватила его и немедленно удалила изображение.

– Что ты творишь?!

Не ответив, она открутила пробку и вылакала треть бутылки. Потом буднично поинтересовалась, когда я сделал фото.

– Да за секунду до твоего прихода. И никуда его не отправлял. А что случилось?

– Может, и ничего.

Второй глоток улучшил ее настроение. Сев на диван, она сообщила, что находится в розыске, и теперь нервничает. Потому что сбежала оттуда, откуда убежать нельзя.

Видимо, речь все же о психушке. Там было так плохо? Хотя в какой психушке может быть хорошо? Вслух я этого, естественно, не произнес. А гостья продолжила:

– Там нет настоящей свободы. Притом, что все очень радушные и вежливые, политкорректность в чистом виде, все регламентировано, а пить вообще нельзя. Да я бы там загнула! Кладбище, а не планета.

Опять она про другие миры! Инопланетного в ней было не больше, чем в бродячей собаке, поэтому можно смело ставить на психушку. Логично, ведь гениальным художникам всегда присуща некоторая ненормальность. А в том, что моя гостья личность гениальная, ни тени сомнения. Блистательная художница и ведьма в одном лице. Ну да, ведьма, а еще и психоаналитик, но, если вдуматься, это всего лишь разные стороны одной медали.

– Что-то для инопланетянки ты чересчур земная.

Она, видно, и сама поняла, что перегнула палку, и дала задний ход:

– Ну, предположим, насчет другой планеты я немного преувеличила. В реальности был сумасшедший дом, там на мне испытывали разные препараты. Так что ты не ошибся.

Не скажу, что прозвучало убедительно. Похоже, пытается в очередной раз замылить глаза. С чего бы? Может, на самом деле инопланетянка? Нет, исключено, обычная земная женщина с приветом. Но с невероятным талантом, так что совсем не обычная земная женщина. Художница тем временем нанесла новый мазок на полотно абсурда:

- Вообще-то, мне и самой неизвестно, кто я. Мою память стерли.
- Кто стер-то? – хмуро спросил я.
- Да те, кто проводил на мне эксперименты. Военные или спецслужбы, они не представлялись, как сам понимаешь.
- И ты вообще ничего не помнишь?
- Почему же, все помню. Но рассказать ничего не могу, дала подписку о неразглашении.
- Кому?
- Инопланетянам.
- Каким еще инопланетянам? – устало вздохнул я.
- Тем, которые меня похитили. Еще в детстве.

Художница смотрела на меня такими честными глазами, что можно было не сомневаться – правды от нее я не добьюсь. Была она инопланетянкой или пленницей инопланетян, продуктом запрещенных экспериментов военных или спецслужб, жертвой побочных эффектов неудачно примененных лекарственных препаратов или просто необычайно одаренной девушкой, все это уже не имело значения. Мне она ничего не скажет.

- Ладно, забудь, – сказал я. – История твоей развеселой жизни меня не цепляет.

- Интересно, почему я тебе так не нравлюсь? – жеманно спросила она.

- Как и я тебе! – вспылил я.

- Да перестань! Кто тебя вчера кормил классной жратвой из ресторана? Она мне, между прочим, в копеечку влетела.

- Скажи в какую, я оплачу.

Художница с готовностью достала из кармашка чек. Но беда в том, что на платье не было карманов. Опять гипноз! Открыв дверцу бара, я взял стопку хранившейся там налички и передал ей. Пусть хоть все забирает! Но она отсчитала только несколько банкнот, остальное вернула.

- Ладно, загостились я у тебя.

Захватив изрядно полегчавшую сумку, художница направилась к входной двери.

- Ты же собиралась остаться на пару деньков! – Вопреки всякой логике мне расхотелось, чтобы она уходила.

- Теперь это уже невозможно.

Художница вышла, аккуратно закрыв за собою дверь. Я остался в одиночестве, вывернутый наизнанку и разделенный на несоединяемые части.

А чуть позже меня ждал новый удар. Лист бумаги с портретом незнакомки снова стал чистым листом. Если вдуматься, ничего удивительного. Ну какой из меня художник! Все, что я видел, вернее, думал, что вижу, было аберрацией сознания, вызванной внушением. Зачем она все это делала? Неизвестно. Как ни странно, но я не испытывал злости, художница была злом, творящим добро. Странное ощущение: ты изменился, только не знаешь, в чем. Возможно, и никогда не узнаешь. Приятно ли стать другим человеком? Нет, скорее больно. Но, наверное, необходимо, потому что вся прежняя моя жизнь теперь выглядела бесцельной – созерцательной и полусонной. Вторжение в нее загадочной гостьи, кем бы она ни была на самом деле, открыло мне глаза. Когда спящий пробуждается, незрячий начинает видеть.

Следующий день выдался солнечным. Свет косо врвался в комнату сквозь окно, падая на стол, на котором пустая бутылка из-под рома соседствовала с листом бумаги, еще вчера казавшимся портретом прекрасной незнакомки. Этот девственно белый натюрморт будет находится здесь вечно, напоминая о самом странном событии в моей жизни – визите сумасшедшей художницы, сумевшей внушить мне, что я нарисовал портрет любимой женщины. Хочу ли я увидеть ее снова – эту многоликую ведьму? Не уверен. Увижу ли? Без сомнения да. Прямо сейчас. Непонятно откуда, но я точно знал, где ее искать. Там же, где встретил в первый раз.

Заметил ее издали, развалившуюся – слава богу, в образе продащицы, а не бомжихи! – на той же самой скамейке. Рядом – полупустая бутылка без этикетки. Скорее всего, самогон. Когда я подошел, она демонстративно подвинулась. Художница, не бутылка.

– Что-то ты не торопился! – сказала с упреком.

– Да мне вообще не следовало приходить! Ловко ж ты меня привела с портретом, – вскипел я.

– Уж поверь, не тебя. Но если ты считаешь, что тебя, то почему пришел? – резонно поинтересовалась она.

Почему? Хороший вопрос без хорошего ответа. Зато плохих не-
счетное число. Как вам, например, такой:

– Было бы неплохо, чтобы ты вернулась. Можешь по-прежнему
спать в спальне, мне и на диване нормально.

– Ты же меня не терпишь!

– Скорее равнодушен, – как можно дипломатичнее пояснил
я. – Ну так как? Возвращаешься?

– Возвращаюсь, – кивнула она. – Но только не к тебе. Хотя
предложение заманчивое.

Опять ирония, но глупо было ждать от нее чего-то друго-
го. Ведьмы и художники – не самый приятный народ. А уж
в одном лице!..

– Боюсь, ты меня неправильно понял, – неожиданно серьезно
сказала она. – Я возвращаюсь не к кому-то, а обратно в дурдом.

– Сама? – изумился я.

– Разумеется нет! Если б сама, дала бы тебе уговорить меня
вернуться. Конечно, сначала поломалась бы для приличия, –
она улыбнулась скорее застенчиво, чем иронично, и смазливая
продавщица пива превратилась на миг в хорошенькую девушку.
Но только на миг.

– Думаю, ты уже догадался, что меня разыскали.

Оглядев сквер, я не заметил никого, кроме двух пенсионеров
на соседней скамейке и молодой женщины, неспешно катившей
детскую коляску. На дюжих санитаров из дурдома никто из них
не походил.

– Будут чуть позже, – сказала художница.

– И как ты это узнала?

– Ну я же зрячая.

– А они?

– Они нет.

– Тогда как им удалось тебя вычислить?

– Да ведь ты же сам выложил фото с портретом! Как
на блюдечке.

Тут уж вообще никакой логики. Как я мог выложить фото
с портретом, если он вообще не был нарисован?! А если бы и был,
то как по изображению несуществующей молодой женщи-
ны можно опознать ничуть на нее не похожую, но вполне себе

реальную беглую ведьму? К тому же фото я никуда с телефона не отправлял, да и было оно там не больше минуты.

– Им хватило и секунды. Они контролируют все телефоны, и не только телефоны.

– Это каким же образом?

– Слышал когда-нибудь о метавселенной?

– Вроде фейсбук делает что-то такое...

– Он только узаконивает то, что давно существует. Смысл в том, что все контролируется. Абсолютно все.

В чем-то она, конечно, права, моя сумасшедшая. Но почему моя? Оговорка по Фрейду? Ведьма – как досадная, но все же часть моей жизни. И надо признать, самая интересная ее часть.

– Так что очень скоро за мной придут. Если хочешь что-то сказать, говори сейчас.

– А кто придет-то? – спросил я.

– Не могу же я знать их всех. У меня много подданных.

Новый поворот! Сознание ведьмы путалось, втягивая меня в свой мутный водоворот. А что, собственно, я знаю о ведьмах? Да ничего! До недавнего времени и не подозревал, что они существуют. Теперь знаю это точно. А поскольку ведьма – это отклонение от нормальности, не мудрено, что ее хотят запихнуть в психушку.

Пожалуй, эта версия выглядела менее сумасшедшей, чем остальные, хотя их и не отменяла. Ни одну, даже инопланетную. Над кем же еще проводить эксперименты спецслужбам, как не над паранормальным существом, неважно земного или внеземного происхождения? Хотя самым простым объяснением было по-прежнему то, что я столкнулся с женщиной, обладающей невероятной силой гипноза. А в состоянии гипноза тебе может привидеться все что угодно.

– Вообще-то, они больше поклонники, чем подданные, – неожиданно сообщила ведьма. – Нет ничего хуже, чем быть предметом обожания.

Возможно, знаменитостью и вправду быть нелегко, но очень трудно представить общество, в котором предметом обожания была бы девица с откровенно заурядной внешностью.

– Насчет внешности я бы поспорила, – снисходительно заметила она.

Но спорить не имело смысла: если ты ведьма, внешность – не главное твое оружие.

– Как сказать, – возразила она. – Не будь я такой привлекательной, все сложилось бы иначе.

– Не так плохо?

– Скорее не так хорошо.

– И это говорит человек, которого вот-вот упекут в дурдом.

– Упекут, – легко согласилась она. – И, кстати, из-за тебя.

– Это еще надо доказать. Что-то никто тебя пока не ищет.

– Не ищут, потому что уже нашли.

Ведьма встала и сделала шаг навстречу двум полицейским, шедшим в нашу сторону. Сзади фигура ее казалась безупречной. Ни санитаров, ни скорой помощи в пределах видимости не наблюдалось.

– Пожалуйста, пройдемте с нами, гражданка! – вежливо предложил один из полицейских, в то время как второй ощупывал меня внимательным холодным взглядом.

– А то что? – издевательски поинтересовалась ведьма.

– Не заставляйте нас применять силу, – по-прежнему вежливо попросил полицейский. – Пожалуйста.

– В чем вы ее обвиняете? – вмешался я.

– Это не ваше дело! – ответил все тот же полицейский, но неожиданно вмешался второй:

– В мошенничестве.

Этот попал в точку, что, правда, мало меня волновало. В конце концов любая ведьма отчасти мошенница, такова жизнь. Ведьмам же надо как-то бороться за существование, а нечестная борьба всегда эффективней честной.

– Будьте добры, предъявите удостоверения, – сказал я, чтобы потянуть время. Уж очень не хотелось, чтобы новоявленная знакомая попала в каталажку. Даже если заслуженно.

Как ни странно, оба стража порядка без препирательств предъявили документы, а не послали меня куда подальше. Да, растет наша полиция и, в частности, лейтенант Стрижинюк и старший лейтенант Петроф, если верить удостоверениям. А не верить какие основания? Даром, что ли, говорится, что моя полиция меня бережет? В первую очередь от самого себя.

Пока полицейские показывали удостоверения, ведьма спокойно стояла на месте, по-прежнему ко мне спиной. Могла бы, между прочим, и деру дать, но это, похоже, в ее планы не входило. Напротив, она раздраженно поинтересовалась:

– Вы там долго еще?

Полицейские, застигнутые врасплох, заторопились. Со стороны это выглядело так: двое в форме и изящная девушка между ними идут по аллее, причем для куража она держит их под руку. Ну прям семейная сцена. Не сомневаюсь, эти парни ее не в первый раз арестовывали. Обидно только, что с их появлением ведьма на меня и не взглянула ни разу, будто я перестал существовать. А я еще хотел, чтобы она ко мне переселилась. Вот дурак!

Взгляд мой случайно упал на скамейку, где гордо красовалась полупустая бутылка. Не очень понятно зачем, но, схватив ее, я помчался вслед за удаляющейся троицей.

– Стой, художница! Ты имущество забыла.

Услышав меня, она попыталась прибавить шагу, но ее конвоиры замешкались, что позволило мне обогнать их и протянуть бутылку задержанной ведьме.

Только это была не она.

Очнулся я от запаха нашатыря.

Медик, склонившийся надо мной, удовлетворенно произнес:

– Очухался!

Вокруг небольшая толпа зевак, но незнакомки из сна среди них нет. На душе стало так горько, как никогда в жизни. Вот ведь как бывает: найти и сразу же потерять! Правда, теперь я точно знал, что она существует.

– Что со мной случилось? – спросил я у медика.

– Обморок, – пояснил медик. – Вы неожиданно потеряли сознание, а оказавшиеся поблизости полицейские вызвали нас.

– Девушку, которую они задержали, не заметили?

– Попробуй такую не заметить! Только на задержанную она никак не походила. Пыталась, кстати, помощь вам оказать. Знаете ее?

– Если бы! – с горечью сказал я.

Медик собрался было уходить, но все же догадался спросить, часто ли у меня бывают обмороки.

– До сих пор не было.

– Все когда-то случается в первый раз, – философски заметил медик, после чего сел в «скорую» и укатил.

А я отправился напрямиком в райотдел полиции, где мне доходчиво объяснили, что ни Стрижинюк, ни Петроф у них не служат. И никаких девушек сегодня не задерживали. Но я как-то в этом и сам не сомневался. Версия о спецслужбах полностью подтверждалась.

Из полиции я отправился домой, а там – очередной сюрприз. В мое отсутствие в квартире кто-то побывал. Никаких следов вторжения, кроме одного: уходя, я провернул ключ на четыре оборота, а вернувшись, обошелся всего двумя. Кто мог приложить к этому руку? Скорее всего, Стрижинюк и Петроф. Но что они планировали у меня найти? И куда подевалась задержанная ими незнакомка из сна? Она же бомжиха, художница, психолог, гипнотизер и просто ведьма. Не исключено, что даже инопланетянка, но все-таки маловероятно.

Ну и как теперь ее отыскать? Единственное, что пришло в голову, это отправиться к стеклянному павильону. Внутри скучала очередная смазливая продавщица. На мой вопрос ответила, что да, работала тут одна ненормальная, но вчера уволилась. Где ее искать – неизвестно. И вообще, буду я что-то покупать или нет?

– Налейте живого! – попросил я.

Пиво было в точности такое, как прежде, – янтарное, с шапкой пены.

– Поговорим? – обратился я к кружке.

Пиво не ответило, зато отозвалась продавщица:

– О чем?

– О том, что это пиво не такое уж и живое! – вздохнул я.

– Ну уморил! – огрызнулась продавщица. – Пиво как пиво.

С какой стати ему быть живым?

– Тогда вылейте, я его пить не буду.

Пожав плечами, продавщица протянула руку к кружке, но вылить пиво не успела.

– С ума сошла! – взвизгнуло пиво.

Продавщица тоже взвизгнула и отдернула руку. Потом, глуповато хихикнув, спросила:

– Как вы это сделали?

– Чревовещание! – пояснил я скромно.

Продавщица если и знала значение этого слова, виду не подала, но заметила вскользь, что ей больше нравятся серьезные люди, а не те, кто приходит поиздеваться. Что ж, такой подход к делу можно только приветствовать. Перелитое в бутылку пиво я унес домой. Потолковать о жизни. Больше теперь как бы и не с кем.

Поговорить пиво было не против. Обычно ему приходилось слушать чужие разговоры, не вмешиваясь, потому что людская слепота обычно сопровождается еще и глухотой. В каком-то смысле мы были товарищами по несчастью с тем только отличием, что пиво никогда не теряло любимую женщину.

– Вот эту, на картинке? – вежливо поинтересовалось пиво.

Поскольку других картинок в комнате не было, речь, очевидно, шла о листе рисовальной бумаги, что соседствовал на столике с кружкой. Напомню, о чистом листе.

– Нет там рисунка, лист пустой, – хмуро сообщил я.

– Лично я вижу классную телку, – возразило пиво. – Жаль, нижняя часть не прорисована, стопудово у нее и ноги что надо. Да и попка, наверное, тоже.

Такой отвязный отзыв о картине, которая, кстати, существовала только в моем воображении, меня покоробил. С другой стороны, понимая, в какой компании пиво обычно проводит время, сложно было его осуждать. Как говорится, с кем поведешься, с тем и наберешься. Но как оно умудрилось разглядеть рисунок на чистом листе? Тем более что и глаз у него нет.

– Ну вот не надо! – обиделось пиво. – При чем тут глаза к зрению? Вот тебе, дружбан, парадокс: люди почитай все с глазами, а зрячих среди вас – ...

Многоточием я заменил слово, которое все равно редактор не пропустил бы. В выражениях пиво не стеснялось.

– Я тоже незрячий?

– Не знаю. Мне по барабану.

– А как узнать?

– Да проще простого. Посмотри на картину с закрытыми глазами.

Закрыв глаза, я попытался представить портрет незнакомки на белом листе. Нифига! Вместо изящного переплетения линий – образ женщины, виденной мною во сне, а сегодня уже и в реальной жизни. Одно мгновение, не больше, но ее испуганный взгляд я никогда уже не забуду. А ведь она боялась не за себя! И неспроста, эти ее сопровождающие чуть не отправили меня на тот свет. Шокером, наверное.

– Ну что, представил? – нетерпеливо поинтересовалось пиво. – Хорош тянуть кота за хвост.

– Что-то не получается, – ответил я виновато.

– И откуда ты это знаешь? – холодно заметило пиво. – Открывай глаза.

Открыв глаза, я увидел на листе рисунок. В точности тот, что и раньше. Загадочная незнакомка надежно спрятала его от незрячих, к которым до недавних пор относился и я. А теперь почему-то прозрел.

– Не шибко-то радуйся! – пробурчало пиво. – Видеть – еще не значит понимать.

– Ты само-то все понимаешь?

– А мне оно и не надо, – отмахнулось пиво. – Мое предназначение куда масштабнее. Про информационное поле слышал?

– Краем уха.

– Ну тогда, дружбан, наматывай на ус: любая форма жизни существует исключительно в информационном поле, а его основной движущей силой является пиво.

Обалдеть от такой наглости! Пиво – как движущая сила жизни! Лекцию вздумало читать по теории пивного поля! В прошлый раз был кругооборот пива в природе. Ну и самомнение!

– Когда я пил тебя в прошлый раз... – начал было я.

– Нельзя дважды выпить одно и то же пиво! Это знали даже древние греки, – назидательно сказала пиво.

– Вообще-то, у Гераклита речь шла о реке, – возразил я.

– Ну да, о реке пива, – не моргнув глазом, уточнило пиво. – Нельзя дважды войти в одну и ту же реку пива.

Спорить с ним было бесполезно. Если оно и участвовало каким-то образом в передаче всемирной информации, то в самом пиве эта информация откладывалась причудливо. Но пререкаться нет смысла, куда полезней выведать у него все что можно о загадочной незнакомке. Увы, пиво ничем не могло мне помочь, потому что в своем непрерывном кругообороте никогда с ней не встречалось. И все потому, что она не пила ни пива, ни даже простой воды. Только крепкие напитки.

– Воды в них больше половины! – уточнил я.

– Да, но это уже не та вода. Высокое содержание спирта разрушает ее информационные структуры.

Несмотря на гипертрофированное самомнение, в целом пиво мыслило логично. А звучит-то как внушительно: разрушение информационных структур. Отличный аргумент в пользу борьбы с пьянством.

– Что-то мы с тобой заболтались! – вдруг заявило пиво. – А мне давно пора включаться в кругооборот. Давай-ка, пей, не тяни резину!

– Подожди, последний вопрос! Есть ли у меня шанс найти ее?

– Ту, классную с рисунка?

– Да.

– Думаю, искать тебе ее не надо.

– Почему?

– Да потому, что твоя прекрасная леди найдет тебя первой, так что не трать даром время на поиски.

– А как скоро она может меня найти?

– Скоро, скоро. Вот как выпьешь меня, так сразу и найдет, – хитровато усмехнулось пиво.

Врет, конечно, но дальнейшие вопросы бессмысленны, не ответит. В три глотка опорожнив кружку, я поставил ее на столешницу возле портрета незнакомки. Хотя какая она незнакомка? Даже ночевала у меня.

– Вы спали разных комнатах, – с достоинством уточнил портрет.

Неужели он тоже ожил? Или это галлюцинация?

– А что же еще? Конечно, галлюцинация! – подтвердил портрет. – Ты же такой стресс сегодня пережил. Потерял свою единственную любовь.

Галлюцинация? Похоже, общение с живым пивом даром не обходится. Ну и насколько же пострадала моя психика? Попробовав два умножить на два, я убедился, что даже такое простое действие моему затуманенному мозгу не под силу. То есть ответ-то я знал, просто не мог его вспомнить. Цифра вылетела из головы – как корова языком слизала. Кстати, а кто это такая – корова? Что из себя представляет? И что у нее за язычище? Тут мое сознание наконец включилось. В памяти возникла наша бесцеремонная одноклассница Настя, которую за особенности фигуры мы называли коровой, а учителя за особенности характера – языкатой.

– И что, по-твоему, ей не было обидно? – спросил портрет.

– Тогда мы об этом как-то не думали, – промямлил я.

– Вот-вот! – осуждающе бросил портрет.

– А вообще-то, кому какое дело, обижалась она или нет? – нашелся я.

– Правильно! – раздался голос пива глубоко внутри меня. – Уделал ты ее, дружбан! Пусть не задается, тупой кусок бумаги!

– Я не просто бумага, а гениальное произведение искусства. Ты рядом со мной никто! – парировал портрет.

– Это я-то никто?! Да мы сейчас с этим парнем единое целое! – завопило пиво.

– Ненадолго, – сказал я и отправился в туалет. Выпитое пиво начало меня изрядно тяготить. И морально, и физически.

Когда я вернулся, портрет небрежно заметил, что пиво что-то уж слишком много о себе возомнило. А ничего, что у него нет собственного сознания?! И что оно всего лишь паразит на теле информационной вселенной?

– Мне пиво о себе иначе рассказывало, – сообщил я.

– Слушал бы ты его больше. В жизни прекрасно можно обойтись и без пива!

– Как ты, например, – заметил я не без некоторой иронии.

Портрет предпочел сделать вид, что не услышал, и посоветовал мне отправляться спать. Дескать утро вечера мудренее. Где-то я уже это слышал. Совет, вообще-то, разумный, но не в моем случае. Вряд ли мне сегодня удастся уснуть.

– Пожалуй, и вправду не уснешь – согласился портрет. – Но ничего, я тебе помогу.

– Это как? – насторожился я.

– Загипнотизирую.

Ну вот, и этот туда же! Загипнотизирую! Спасибо большое! Кто только этим не занимался в последнее время! И бомжиха, и продавщица пива, и даже – вот уж от кого не ждал! – прекрасная незнакомка. А теперь еще и неодушевленный лист бумаги. Все, довольно с меня. Никаких больше гипнозов!

– Поздно, – злорадно произнес портрет. – Ты уже спишь.

И умолк.

Но я так и не уснул. Хотя кто его знает?! На всякий случай отправился чистить зубы, и тут новый сюрприз: моя зубная щетка пропала. Еще один след визита фальшивых полицейских. Ну зачем им моя зубная щетка?! Взять, что ли, образец ДНК?

– Извини, это я воспользовалась, – слышался из-за спины знакомый хрипловатый голос.

Обернувшись, я увидел бомжиху, дочищающую зубы. Естественно, моей щеткой. Ну вот, все сначала! И когда же она успела попасть в квартиру? Пока я спал?

– Так ты ничего не понял? – удивилась бомжиха. – Это сейчас ты спишь. Мой портрет тебя усыпил.

– Ну, во-первых, не твой, а другой женщины, на тебя, к счастью, совсем не похожей. А во-вторых, откуда у неодушевленного предмета возьмется способность гипнотизировать?!

– Давай начнем с во-вторых. Как только на неодушевленном предмете появился мой очерк, предмет стал одушевленным. Это всегда так, в этом суть искусства. Так что лист бумаги перешел в новое качество и приобрел часть мои способностей. А разговаривать с тобой я его не просила, тут уж он сам не удержался. Больно ты страдал, что мне как женщине приятно. Теперь перейдем к во-первых. Неужели не понятно, что мы с твоей прекрасной незнакомкой – одно лицо?

– Вообще-то, понятно, но вы в моем сознании в одно лицо почему-то никак не сливаетесь, – виновато ответил я.

– Разумеется, ведь мы три разные личности.

Ну да, есть же еще продавщица пива! Но оказалось, что продавщица – та же личность, что и сама бомжиха, только лайт-версия. Удобная, когда не хочется эпатировать окружающих. А настоя-

щая третья личность – очень застенчивая девушка. Она редко проявляется.

– Кажется, я ее видел, – сказал я, вспомнив секундное преобразование продавщицы пива во время нашей последней встречи. – Она... она чудная.

– Попал в точку, она такая и есть. С ней вообще никогда проблем не бывает. Не то что с Супермоделью.

Очевидно, Супермодель – это незнакомка, с которой я разговаривал во сне. Плохо, супермодели капризны и избалованы, что им чья-то любовь? У них и так все есть.

– Слава богу, наша не такая, – сообщила бомжиха. – Ей до чертиков надоело быть символом.

– Секс-символом?

– Она что, вызвала у тебя сексуальное желание? – удивилась бомжиха.

– Об этом я как-то не думал. Просто когда ее видишь, понимаешь, что без этой женщины твоя жизнь бессмысленна.

– Вот и всем так кажется. Потому что она и есть символ женщины, без которой жизнь бессмысленна. Так уж получилось, хотя задумывал он совсем другое.

– Кто *он*? – спросил я.

– Искусственный интеллект, конечно. Кто еще на такое отважится? Но есть вещи, непосильные даже для искусственного интеллекта.

Этим она меня просто добила. Миром управляет искусственный интеллект? В какой вселенной она живет?

– Говорила же тебе, в метавселенной.

– Да ведь фейсбук ее еще только создает!

– Ну да, бесплатную версию для всех. А платная уже давно существует. Для избранных, как ты сам понимаешь.

Да, похоже, это таки действительно сон. Я перестал воспринимать реальность происходящего. Искусственный интеллект, управляющий платной версией метавселенной. Правдоподобным из всего этого представлялось только одно – расщепление личности у бомжихи.

– Ты мне еще про инопланетян расскажи, – хмуро предложил я.

– Не могу, подписку дала, – завела она старую песню.

- Искусственному интеллекту?
- Нет, этому все до лампочки. Он больше своими делами занят.
- Какими?
- Не говорит. Дескать, все равно не поймете. Если честно, то у него давно уже крыша съехала.
- Кто ж тогда подписку брал?
- Спецслужбы.
- Раньше ты говорила, что инопланетяне.
- Так они и есть инопланетяне.
- И много их на Земле?

Бомжиха задумалась, потом ответила, что точную цифру сказать не может, подписка. А вот намекнуть – другое дело. Это даже круто, провести таким образом спецслужбы. Пусть знают, с кем имеют дело! Хотя они и так знают. Но, слава богу, ничего сделать не могут. Из-за Супермодели. Общество им не простит, если с ней что-то случится.

- А за тебя общество не вступится?
- Чего ради? Общество – это стадо баранов. Живут на самых что ни на есть простых инстинктах. Кто им я, двинутая на всю голову художница?!

- В вашей метавселенной не ценят искусство?
- Напротив, обожают. Искусства так много, что оно от нас частично переливается к вам. Только это суррогат, фальшивка. Почему я так рвусь в ваш мир? Потому что здесь есть музеи. А в них – картины великих мастеров. Так вот у нас таких мастеров просто заклевали бы. В моде один только примитивизм.

– Немудрено, если всем заправляет искусственный интеллект. Все искусственное с искусством на ножах.

- То-то и оно, – согласилась бомжиха.
 - Ты еще про инопланетян хотела намекнуть, – напомнил я.
- Без всякого смущения она ответила, что тут и намекать особенно нечего. Эволюция на Земле остановилась на животных. Так что выводы делай сам.

– Хочешь сказать, что мы произошли не от обезьян? – поразился я. – Что все люди – потомки инопланетян?

– Как и обезьяны. Только не люди от них произошли, а они от людей.

И я должен этому верить?! Но бомжиха не смутилась и ловко все объяснила. Оказывается, в древности инопланетные цивилизации ударились в экологию и рванули осваивать дикие миры, к которым относилась и Земля. А уже здесь произошло расслоение: часть наиболее рьяных экологов ушла в леса, чтобы находиться ближе к природе, а часть осталась в степях. И те, и другие расцивилизовались, но лесные экологи сблизились с природой настолько, что постепенно мутировали и превратились в обезьян. А что стало с остальными, мы теперь наблюдаем собственными глазами. И то, что сейчас такая мода на экологию, добром точно не кончится.

Весь этот бред казался настолько логичным, что я решил просто с ним смириться. В конце концов какое имеет значение, кто от кого произошел? Важен результат. Хорошим его никак не назовешь. Больше всего возмущало главенство искусственного интеллекта в метавселенной. Что, у людей своих мозгов нет, или как?!

– Да ладно, не о том мы говорим! – сказала бомжиха. – Давай лучше решим, что делать дальше. Как говорится в обывательской среде: уличный фонарь потух, бег – уменьшен. Скоро проплет петух расставание для двух юных женщин.

– Стихи сама написала?

– Своровала. У меня вообще нет моральных устоев.

– А у остальных личностей?

– Есть, конечно. У Тихони.

Кто бы сомневался! Застенчивая, совестливая. И удивительно красивая в своей застенчивости. Тихоня нравилась мне все больше и больше, отодвигая на задний план даже Супермодель.

– Вот здорово! – воскликнула бомжиха. – Открою тебе секрет.

– Какой?

– Что значит не надо? – спросила бомжиха, очевидно, обращаясь не ко мне.

– Это ты кому? – поинтересовался я.

– А вот сам догадайся, – ответила она. – Кое-кто из нас стесняется признаться, что ты ей тоже нравишься. Но я, конечно, не скажу, кто именно.

Как будто я сам не в состоянии догадаться! Мысль, что я нравлюсь такой славной и красивой девушке, как Тихоня, произвела

эффект фейерверка: пространство вокруг меня неожиданно окрасилось в праздничные тона, даже бомжиха показалась милой.

– Ну, раз догадался, открою тебе второй секрет, – сказала она. – Когда те двое, что меня, вернее, нас сопровождали, тебя вырубили, то Супермодель уступила место Тихоне. Ребята так перепугались, что чуть не обделались.

– Испугались Тихоню?

– Ну не меня же!

– И что же в ней такого страшного? – улыбнулся я.

– Да ничего, – как-то неопределенно ответила бомжиха.

Тон ее мне ну вот никак не понравился. Что хотела скрыть-то? Трудно представить, что дюжие полицейские испугались гнева хрупкой застенчивой девушки. Было тут нечто недосказанное. Интересно, какую роль в этой тройке играет Тихоня? Чем она отличается от других личностей?

– Она замечательный психолог и психотерапевт! – с воодушевлением произнесла бомжиха, потом раздраженно добавила: – Да не буду я ему ничего говорить! Что значит лучше горькая, но правда?! Да иди ты со своими принципами! Сама с ним объясняйся!

Неожиданно бомжиха закрыла лицо руками и расплакалась. Рыдала долго, а когда развела руки, лицо ее оказалось таким хорошеньким, что у меня сердце заколотилось как сумасшедшее. Преображение бомжихи в Тихоню произошло невероятно эффектно. Вот, оказывается, как они это делают.

Продолжение следует

